

В концертной программке значилось: **Елена ИВАНОВА** (сопрано) — выдающаяся ученица выдающейся певицы Зары Долухановой. И это не было рекламой.

С момента успешного дебюта Е. Ивановой в Малом зале Московской консерватории слежу я за ее творческим ростом. Вернее, взлетом. Каким-то чудесным образом Елене подвластна вокальная музыка самых разных эпох и стилей. Сольные программы — а у нее их 70 — знакомят с сочинениями Шнитке и Губайдулиной, Денисова и Свиридова, а также — Кодаи и Бартока, Берга и Шёнберга, Булеза и Пуленка, Бриттена и Кастельнуово-Тедеско... Причем ВСЕ произведения (даже японских композиторов!) исполняются на языке оригинала.

Недавно на фирме «Мелодия» состоялась

Учительская газета. - 1991. - 19-26 ноября - с. 12

ВЫ УЖЕ СОБРАЛИ ЧЕМОДАНЫ?

— Так вы еще здесь, Елена?

— Это традиционный уже вопрос всех наших музыкантов. Так мы шутим, встречаясь друг с другом в филармонии, на гастролях. И правда, смешно: во всей консерватории остался один Лев Наумов, профессор, ученик Г. Нейгауза. Уехали все его ученики — Виардо, Гаврилов, Торадзе... Теперь они играют и преподают за рубежом. Практически не бывают в стране мои добрые знакомые — солистка Большого театра (может быть, уже бывшая?) Галина Калинина, Люба Казарновская — у нее там замечательные партии, великолепные дорогостоящие контракты. В Вене Милашкина и Атлантов. Да что там, Большой театр весь разъехался. Его нет как такового.

«Где же вы теперь, друзья-однополчане» по музыкальному цеху? Где Бунин и Слободяник, Исакадзе и Троицкая, Хворостовский и Спиваков и...? Список можно продолжать до бесконечности.

Это трагедия: в консерватории и Гнесинском училище некому преподавать. На вокальной кафедре консерватории осталась Нина Львовна Дорлиак, жена Рихтера — ей почти 90. Остальные — поющие певцы — Образцова, Соткилава, Нестеренко — они все время в разъездах.

— А как же их студенты?

— В умах у студентов единственная мысль — уехать за рубеж. Те, кто учится, только об этом и думают. Знаю, что это так, потому что преподаю в музыкальном училище имени Гнесиных и в молодежном театре-студии «Наш дом».

— Так что, грядет массовый исход музыкантов из России?

— Он уже вовсю идет. Мы потеряли огромное количество струнников и пианистов. А это школа! Ею можно гордиться.

Положение становится поистине катастрофическим: у тех, кто оставляет страну сегодня, уже нет громких имен. Значит, на Запад пошел так называемый «второй эшелон». Когда же двинется третий, низшего качества, — а уже многие пятидесятилетние подумывают об отъезде — преподавателей практически не останется.

— То есть останутся «неудачники»?

— Может быть. Им-то Россия и вынуждена будет доверить «воспитание» певца.

— Ну, Россия богата талантами. Большие голоса рождаются стихийно, в самых ее глухих уголках.

— Отчасти это верно. Взять тот же Большой. Хотя его труппа разбежалась, не так давно Александр Лазарев, главный дирижер, показывал концерт молодых звезд ГАБТа (всем — от 23 до 30). Я была потрясена: прекрасные голоса.

Лазарев возил ребят в Америку, они все там «прошли».

— А вдруг и они решат остаться?

— Но если Лазарев сумел набрать этих, найдет и других. Почему бы не объявить конкурс, скажем, как в Италии: «Голос области», «...республики»?.. Украина, Грузия все время дают вокальные всплески.

— И за ними внимательно наблюдают на Западе...

— Мягко сказано. Идет массовый отток «дешевых голосов». Ведь наши певцы с большими «природными» голосами не владеют техникой. У них отсутствует пиано (тихое пение), легато (умение петь слаженно, плавно в ансамбле)...

Нет школы.

Воспитание певца — длительный процесс (певцы развиваются очень медленно — после 18—20 лет). Безумно сложный процесс, требующий от самого воспитателя широты кругозора, знания языков, живописи, литературы и т. д.

Но это, как говорится, в теории. А что на практике? Выход, по-моему, — возвращение на круги своя.

Кто воспитал Обухову, Нежданову, Барсову и многих других замечательных русских вокалистов? Итальянец Мазетти! А почему у Соткилавы прекрасная школа: из его класса вышли Федин, Богачев, много других профессиональных певцов? Потому что в свое время он стажировался в Ла Скала. То есть нам нужно либо отправлять способную молодежь на учебу за границу, причем отправлять рано, несформированными певцами. Либо приглашать в Россию итальянцев.

Нам нужно вспомнить давние русские культурные традиции — вернуться к полной открытости культурных обменов.

— Но ведь Фонд культуры отсылает наших способных детей учиться за рубеж.

— И нередко их учителями на Западе становятся наши бывшие соотечественники. Смешно: сначала сами «создаем условия» для выезда учителей, а потом «пристраиваем» туда учеников. Но в отличие от дореволюционной России в нынешнюю «почему-то» не спешат возвращаться. Вот пример.

Вы слышали о знаменитой «Ночи Моцарта» в Юсуповском дворце Санкт-Петербурга? (Все страны мира отмечают в этом году юбилей великого композитора). События, почти не замеченные непрофессиональной публикой. Между тем подобного не было в истории нашей музыкальной жизни со времен последнего царя-батюшки.

— Знаю, что вы были королевой праздника, хозяйкой Бала Моцарта, просто певицей. Трудные роли...

— Билет на этот Бал стоил 2000 рублей, и поэтому он сразу приобрел статус престижности. И вот зевачи и другие наши великоветские любители «ритма» дремали (Бал начался ровно в 12 ночи и кончился рано утром — всю ночь — один только Моцарт!), но держались из последних сил. И додержались — таки до утра — фуршет, который завершал эту страшную для наших нуворишей ночь, полную непривычных и «скуноватых» мелодий Моцарта.

Но была и совсем другая публика. Эта ночь дала возможность встретиться и совместно выступить многим замечательным музыкантам из разных стран мира. Среди них ярко блистали две звезды, так называемых наших бывших соотечественников: Доры Шварцберг (скрипка) и Валерия Афанасьева (фортепьяно). (Дора живет сей-

час в Австрии, Валерий — в Бельгии).

Они прекрасно себя чувствовали, великолепно играли и с большим юмором и простотой выдерживали уже почти забытые ими советские условия жизни.

В Вене у Доры скрипичная школа, куда съезжаются одаренные дети со всего мира. Сама Дора сначала закончила знаменитую школу Столярского в Одессе по классу скрипки, а затем Московскую консерваторию. Звук ее скрипки так наполнен и прекрасен, точно инструмент ды-

Дебюсси, Пуленка в бывшем дворце князя Владимира.

На мой концерт пришла большая группа немцев из ФРГ. Они устали, их долго водили по Эрмитажу, возили еще куда-то. Но вот в небольшом салоне зазвучало пение, и было видно, как просветленно и внимательно эти люди впитывают звуки, как знают они эти арии и романсы, чего ждут от их исполнителя. Среди слушателей не было профессионалов-музыкантов — только бизнесмены, инженеры, врачи.

Стыдно сказать, но после этого концерта я плакала. Колоссальная пропасть между вниманием и пониманием нашего слушателя и зарубежного! Не забыть, с каким благоговением глядели те немцы на сцену: для них исполнитель — посредник между ними и Богом музыки. Для наших... Даже не хочу говорить.

— Это сегодня. Грядет рынок и завтра...

— Уже сегодня мы здесь никому не нужны. Берегись, посторонись, так называемая серьезная музыка. Грошковые гонорары, полная зависимость от непомерно раздутого штата администрации, которая не отвечает ни за что — ни за занятость музыканта, ни за его способность выжить на копеечное пособие. Совершеннейшим секретом остается для нас их «деятельность во славу искусства» — ведь те, кто его создает, им глубоко безразличны.

Мой личный пример «тому порукой».

Каждое утро на моем письменном столе громадный список телефонов. И от этой картины я готова расплакаться. Бедный мой, несчастный голос, ведь он устает, он не виноват, что нет у меня, как, впрочем, и у других коллег — концертных певцов, — импресарио, спонсора, помощника. Что никто не занимается нашими «околотворческими» проблемами, кроме нас самих.

Я люблю петь. И, как ни смешно, могла бы петь даже бесплатно. Если бы концертные туалеты и многие другие траты, связанные с особенностями нашей профессии, не отнимали астрономические суммы.

Где бескорыстные меценаты, щедрые спонсоры, удачливые импресарио?! Все это не про нас. Все — эстраде, цирку, конкурсам красоты... Тому, что дает немедленную отдачу. И не в «деревянных», а в СКВ.

Вот и осыпается колоссальная гора наших российских талантов, выпадают из нее песчинки, все быстрее и чаще, и скоро одна только пустыня останется на ее месте.

— Так что, вы уже сложили чемоданы?

— Пока нет. Хотя я достаточно космополитична — английский — второй родной (знаю его с детства) — стала воспринимать... враждебно. Мне больно за разваленную богатую Россию. Мне больно за соотечественников.

В фильме «Мертвый сезон» люди, лишенные разума, едят траву, как животные. И при этом — совершенно счастливы, у них нет других потребностей. Вот так же «счастливы» и 90 процентов отечественных потребителей, что ежедневно слышат один только ритм. Их специально и долго, годами, приучали к этой музыкальной жвачке. Большой и светлый мир Музыки закрыт для них, она здесь не нужна и не слышна...

Певицу расспрашивала
Е. КОМАРОВА.